

A romantic couple embracing in a snowy city at night. The man, with dark curly hair and a beard, wears a dark coat and a watch, and holds the woman. The woman has long dark hair and wears a light-colored scarf and a dark coat. They are standing on a wet, reflective surface, possibly a pier or promenade, with a body of water and a city skyline in the background. A large, ornate building with lit windows is visible on the right. The sky is dark and cloudy, with snow falling. The overall mood is intimate and romantic.

Не сначала. Заново

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мира Чудновская

18+

Мира Чудновская

Не сначала. Заново

«Автор»

2026

Чудновская М.

Не сначала. Заново / М. Чудновская — «Автор», 2026

Бывший случайно вывел их семейный чат на проектор — прямо во время важной презентации. И весь зал увидел, что он считает Веру женщиной, которая «не справится». Вот только среди зрителей был Матвей Орлов — инвестор проекта, мужчина с опасно спокойным взглядом и редким талантом замечать то, что другие привыкли обесценивать. Вера хотела просто пережить развод, работу и подростка-дочь. Но теперь ей придётся заново доказать не бывшему, не начальнику и не миру — себе самой, что её жизнь ещё не снесли под новый проект.

Содержание

Глава единственная	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Мира Чудновская

Не сначала. Заново

Глава единственная

— Вы, наверное, не туда нажали, — сказала Вера в микрофон и улынулась так, как улыбаются женщины, у которых внутри в этот момент падает лифт.

На экране за её спиной вместо презентации нового жилого комплекса «Северная Ривьера» висело сообщение из семейного чата.

Большими буквами.

От бывшего мужа.

«Вер, ну не драматизируй. Ты всё равно не справишься бы с этим проектом. Хорошо, что его заберут нормальные люди».

Под сообщением мило болтался стикер с котом, который гладит другого кота по голове. Именно этим стикером Игорь обычно закрывал любые бытовые преступления: забыл оплатить ипотеку, не забрал дочь из кружка, случайно завёл роман с её младшей коллегой, которая говорила «кофеёк» и «мужская энергия».

В зале было человек семьдесят.

Инвесторы. Архитекторы. Два блогера с лицами людей, которые пришли не на презентацию, а на бесплатный кофе. Директор агентства, у которого от ужаса побелели даже брови. И представители девелопера — строгие мужчины в дорогих костюмах, женщины с идеально гладкими волосами и один человек у окна, который не смотрел на экран.

Он смотрел на Веру.

Спокойно. Внимательно. С таким выражением, будто видел не женщину, публично добитую сообщением бывшего, а слабое место в несущей конструкции здания.

Вера нажала на пульт.

Сообщение не исчезло.

Она нажала ещё раз.

Семейный чат радостно мигнул новым уведомлением.

«Мам, а папа опять мудака?»

Зал умер.

Не в смысле «замолчал». Зал именно умер, как умирает комнатное растение в кабинете бухгалтерии: тихо, без надежды и с лёгким запахом перегретого пластика.

Где-то в третьем ряду женщина кашлянула в кулак. Блогер поднял телефон, но тут же опустил, поймав взгляд человека у окна.

— Это — начал директор агентства Павел Сергеевич.

— Это интерактивная часть, — сказала Вера.

Голос у неё был сухой, как крекер в самолёте.

Она положила пульт на стол, повернулась к залу и почувствовала, как шёлковая блузка прилипла к спине. Утром она выбирала её десять минут, потому что белая выглядела слишком невинно, красная — слишком отчаянно, а эта, цвета мокрого асфальта, обещала миру: «Я профессионал, у меня всё под контролем, и я не рыдала вчера в ванной в полотенце с утками».

Полотенце соврало. Блузка тоже.

— Давайте договоримся, — сказала она, глядя вверх голов. — Если кто-то успел прочитать, то да, бывший муж считает, что я не справишься бы с этим проектом. К счастью, он не входит в совет директоров. К несчастью для него.

В зале прошёл смешок. Осторожный, как кот по мокрому полу.

Вера вдохнула.

— А теперь вернёмся к тому, что действительно важно. К тому, как продать квартиры в комплексе, который находится в тридцати минутах от города, девять месяцев в году окружён ветром, водой и людьми, которые говорят: «Да мы просто посмотрим».

На этот раз засмеялись уже громче.

Она щёлкнула по ноутбуку, вручную закрыла чат, открыла презентацию и продолжила.

Первые две минуты она говорила на голом упрямстве. Потом — на злости. Потом вдруг поймала ритм.

Про аудиторию. Про женщин после сорока, которые покупают не квадратные метры, а право не слушать, как сосед сверху сверлит в воскресенье в восемь утра. Про мужчин, которые хотят террасу не потому, что любят природу, а потому что им нужна территория, где можно стоять с кофе и чувствовать себя владельцем маленькой империи. Про семьи, которым не нужен «комфорт-класс», им нужно место, где ребёнок не будет расти между парковкой и пунктом выдачи.

Она говорила, и в какой-то момент зал перестал помнить про сообщение.

Кроме неё.

И кроме мужчины у окна.

Он не смеялся. Не записывал. Не проверял телефон. Просто стоял, сунув одну руку в карман пальто, и смотрел так, будто всё самое важное в презентации происходило не на слайдах, а у неё на лице.

Когда она закончила, хлопали не все. Но достаточно.

Павел Сергеевич подскочил первым, как человек, которому только что отложили казнь.

— Спасибо, Вера. Очень живо.

«Живо» в его исполнении прозвучало как «нас не убили, уже праздник».

Люди стали вставать. Зал наполнился шорохом пальто, приглушёнными голосами, запахом кофе и дорогих духов. Вера закрыла ноутбук и только тогда позволила себе сжать край стола.

Пальцы дрожали.

Ей было сорок один. Она пережила развод, ипотеку, ремонт с прорабом-философом, дочь-подростка, которая считала, что мать не понимает ничего в жизни, потому что использует слово «вайб» с задержкой в полгода. Но стоять перед залом, пока все читают, что бывший публично списал тебя в брак, — это было что-то новенькое. Прямо премиум-пакет унижения. С расширенной гарантией.

— Вера Алексеевна?

Она обернулась.

Мужчина у окна стоял рядом. Вблизи он оказался выше, чем казался. Не громоздкий, не накачанный до состояния шкафа из мебельного гипермаркета, а собранный. Тёмное пальто, серый шарф без логотипов, руки с длинными пальцами. Лицо не красивое в рекламном смысле, а опасно интересное: жёсткие скулы, спокойные глаза, чуть усталый рот.

— Да.

— Матвей Орлов.

Он не протянул руку сразу. Сначала посмотрел на её пальцы, всё ещё вцепившиеся в стол. Потом — в глаза.

— Девелопер?

— Владелец участка, инвестор и человек, из-за которого ваши коллеги сегодня пили много воды.

— Очаровательно. Обычно мне представляются как «Матвей Сергеевич».

— Обычно я не смотрю презентации, которые начинают с семейного чата.

Вера почувствовала, как внутри снова поднимается стыд. Горячий, липкий. Её хотелось снять с себя, как неудобные туфли.

— Надеюсь, это не повлияло на оценку работы.

— Повлияло.

Она замерла.

— В лучшую сторону, — сказал он. — До сообщения вы продавали проект. После — начали говорить правду.

Вера не сразу нашлась.

За последние два года мужчины говорили ей разное. «Ты слишком остро реагируешь». «Ты всё усложняешь». «Ты же сильная». «Ну мы взрослые люди». «Да ничего у нас с ней не было, просто переписка». «Ты не умеешь быть лёгкой».

Правду ей не говорил никто.

— Не уверена, что правда входит в медиаплан, — сказала она.

— Входит, если хочется не просто продать, а чтобы люди потом не проклинали дорогу к дому каждое утро.

Он говорил спокойно, без желания понравиться. От этого почему-то нравился сильнее.

Павел Сергеевич материализовался сбоку.

— Матвей Сергеевич! Ну как вам? Мы, конечно, сейчас всё доработаем. Вера у нас талантливая, эмоциональная, иногда даже слишком

— Я хочу, чтобы она поехала на объект завтра, — перебил Орлов. — Посмотрела место. Не по рендерам.

Павел Сергеевич открыл рот.

Вера тоже.

— Завтра суббота, — сказал директор осторожно.

— Тем лучше. Там по субботам видны реальные люди, а не только охрана и прораб.

— Вера — Павел повернулся к ней с выражением человека, который продаёт чужую почку. — Ты сможешь?

Она собиралась сказать нет.

В субботу у неё были планы. Точнее, один план: лежать лицом в подушку, делать вид, что её нет, заказать роллы и не открывать чат, где бывший муж продолжит искусство морального плинтуса. Ещё нужно было купить дочери колготки для школы, потому что старые Алина порвала «случайно», то есть выразила через них протест против алгебры.

— Смогу, — сказала Вера.

Потому что когда тебя публично назвали человеком, который не справится, организм иногда включает режим «ах так».

Матвей Орлов кивнул.

— В девять. Я заеду.

— Заедете?

— Объект неудобно смотреть из такси. И я хочу услышать, что вы скажете не при зале.

— А если мне нечего будет сказать?

В уголке его рта мелькнуло почти-улыбка.

— После сегодняшнего? Сомневаюсь.

Он ушёл, оставив после себя лёгкий запах холодного воздуха, кожи и чего-то древесного. Не парфюм из отдела «успешный мужчина 45+», а запах машины, дождя и дорогой бумаги.

Вера посмотрела ему вслед и поймала себя на том, что впервые за много месяцев не думает об Игоре.

Потом телефон вибрировал в руке.

Игорь: Ты там нормально? Не хотел, чтобы на экран ушло. Но может, оно и к лучшему. Тебе правда стоит меньше браться за то, что не тянешь.

Вера долго смотрела на сообщение.

Потом написала:

Вера: *Игорь, передай своему чувству такта, что мы его помним молодым.*

И заблокировала экран.

На улице шёл мокрый снег. Тот самый петербургский мокрый снег, который не падает, а сразу предъявляет претензию. Вера вышла из бизнес-центра без шапки, потому что шапка лежала дома в ящике с вещами, которые она «точно начнёт носить этой зимой». Снег тут же сел ей на волосы, ресницы, воротник пальто и самооценку.

— Вера!

У входа стояла Лиза. Тридцать, контент-менеджер, человек с лицом ангела и скоростью распространения информации как у аварийной сирены.

— Я видела. Это был пиздец. Но ты была богиня.

— Лиза, богини обычно не светят перепиской с бывшим на проекторе.

— Античные — вполне. Там вообще все всем мстили, рожали от облаков и превращали людей в деревья. Ты ещё скромно.

Вера фыркнула. Хотела рассмеяться, но внутри что-то болезненно дёрнулось.

— Я думала, он уже не может меня задеть.

— Может, потому что он знает, куда бить.

Это было слишком точно, и Вера на секунду возненавидела Лизу за молодость, ресницы и правду.

— Ладно. Я домой.

— С Орловым завтра едешь?

Вера посмотрела на неё.

— Уже знаешь?

— Павел Сергеевич сейчас ходит по офису и говорит, что «нас взяли в личный контакт». Это звучит как диагноз, но, кажется, хорошо.

— Это работа.

— Конечно. Мужчина с таким пальто всегда только работа.

— Лиза.

— Всё, молчу. Просто Вер, ты когда последний раз на кого-то смотрела не как на задачу?

Вера хотела ответить резко. Что ей не пятнадцать. Что у неё дочь, ипотека и нервная система в кредит. Что мужчины после развода — это как приложения банка: вроде полезно, но каждый раз боишься, что опять спишут деньги.

Но Лиза уже махнула рукой и убежала к метро, оставив её под снегом, в шуме машин и с неприятным вопросом.

Дома пахло жареной картошкой и лаком для ногтей. Это означало, что Алина была в плохом настроении и решила стать красивее назло миру.

— Мам, — крикнула она из кухни. — Ты жива?

— Физически да. Репутационно частично.

Алина сидела за столом в растянутой толстовке, красила ногти чёрным и ела картошку прямо со сковородки. Четырнадцать лет. Возраст, в котором человек уже знает всё о боли, обществе и подводке для глаз, но ещё не умеет включать стиральную машину без «мам, а куда жать».

— Папа идиот, — сказала она.

— Алин.

— Что? Это медицинский факт.

Вера сняла пальто, повесила на крючок, который Игорь три года обещал нормально прикрутить. Крючок печально качнулся, но выжил.

— Ты видела?

— Я была в чате. И вообще он мне потом написал, что я «не должна вмешиваться во взрослые отношения». Мам, он изменял тебе с тётей, которая называет кофе «кофеёк». Я уже вмешана.

Вера подошла к окну. Во дворе кто-то пытался припарковаться между сугробом и чужим зеркалом, совершая древний ритуал «я тут местный».

— Не хочу, чтобы ты его ненавидела, — сказала она тихо.

— Я не ненавижу. Я просто не хочу делать вид, что он нормальный, чтобы всем было удобно.

Вера обернулась.

Иногда дочь говорила так, будто ей не четырнадцать, а сорок восемь и трое разводов за плечами. Это было страшно и немного обидно. Дети должны быть детьми, а не маленькими свидетелями родительских катастроф.

— Иди сюда.

Алина закатила глаза, но подошла. Вера обняла её осторожно, чтобы не смазать ногти. Дочь пахла картошкой, ацетоном и подростковой свободой.

— Завтра мне надо на объект, — сказала Вера. — По работе. С утра.

— С тем мужиком, который смотрел как Бэтмен?

— Ты смотрела запись?

— Лиза скинула кусок.

— Прекрасно. Я стала локальным мемом.

— Не мемом. Ты там крутая. Даже когда папа ну.

Вера погладила её по волосам.

— Он не Бэтмен. Он инвестор.

— Это хуже. У Бэтмена хотя бы травма детства объясняет поведение.

Вера впервые за день рассмеялась.

Наутро город был серый, как несвежий свитер. Вера вышла из подъезда в восемь пятьдесят пять и увидела чёрный внедорожник у бордюра. Машина выглядела так, будто могла спокойно переехать не только сугроб, но и несколько её жизненных решений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.